Воевода и мужик

С самого утра мужичок трудится на своей борозде, устал бедный. Едет воевода. Известно, воеводы рано не встают, ездить не ездят. Вот подъезжает он, увидел мужичка, подозвал, начал спрашивать, как его зовут, прибыльно ли работать, сколько получает в год. «Ничего, слава богу, сыт, не гол — и того будет. За большим не гоняюсь. Уродится — хорошо, не уродится — божья воля. А в год сбираю [урожая] рублей на восемьдесят».

Воевода опять спрашивает: «Куда же ты, мужичок, их деваешь?» — «Как куда? Известно — по хозяйству разве мало надо? Да вот: двадцатью рублями долг плачу, двадцать рублей в долг даю, двадцать рублей за окно кидаю да двадцать рублей податей плачу!»

Воевода стоит, раздумывает, что бы это значило: двадцать рублей в долг давать, двадцать в окно кидать да двадцать в долг отдавать. «Загадка трудная», — смекает, просит мужичка растолковать. Тот отказался. Воевода говорит: «Ну, ладно! Ты не говори никому, кто бы тебя ни спрашивал. Вот тебе мой воеводский приказ!» Пригрозил так воевода мужичку: «А то, — говорит, — тебе несдобровать!»

И уехал. Приезжает домой, потребовал всех самых именитых бояр. «Так и так, — говорит, — попался мне мужичок на дороге, говорит: получает всего в год восемьдесят рублей: двадцать рублей долгу платит, двадцать в долг дает и двадцать в окно кидает. Отгадайте, бояре, эту загадку. Кто отгадает, награжу золотом и милостью!»

Бояре весь день думали — ничего не придумали, выпросили у воеводы месяц сроку. Вот и месяц приходит к концу. Что делать? А каждому выслужиться хочется. Вот один поехал к мужику. «Расскажи, — говорит, — братец, пожалуйста... Растолкуешь, пожалую тебя по-царски: дам тысячу червонцев!» Мужичок говорит: «Двадцать рублей долгу плачу — то отца кормлю: он допрежь меня кормил. Двадцать рублей в долг даю — то сына кормлю: он меня будет кормить, этим заплатит, стало быть. Двадцать рублей за окно кидаю — то дочь пистаю: это уж ни жилец, ни помощник, ни кормилец».

Боярин подумал-подумал: «И это ведь правда!» И дал мужичку тысячу золотых.

Приехал другой боярин и дал мужичку две тысячи золотых. Тот рассказал опять загадку. Приехал третий, дал три тысячи. Мужик опять растолковал боярину.

Месяц кончился. Пора отдавать отчет воеводе. Все пришли. Воевода начал спрашивать, кто как надумал. Один боярин сказал: «На двадцать рублей отца кормит мужик, на двадцать сына, на двадцать дочь!» Воевода обратился к другому. Тот ответил то же. Конечно, и третий ответил не иначе.

Воевода себе на уме: это, дескать, что-то недаром. Послал гонца за мужиком, приказал немедленно явиться. Приехал мужичок, сейчас его к воеводе. «Ах ты, такой-сякой, — осерчал воевода, — кому ты сказывал про загадку? Говори правду-истину, а не то твоей голове не уцелеть! Я хотел разузнать, как отгадают мои бояре эту загадку, могут ли они моим воеводством управлять... А ты мне все дело изгадил! Знаешь, бояре должны быть всех умнее, всех догадливее?»

Мужик, не будь плох, и говорит: «Были у меня трое. Первый дал перышко, другой — два, а третий целых три!»

Воевода и язык прикусил, начал спрашивать, что это значит. А мужик усмехается, знает: «Вот ты — воевода, здешний царь, значит. Тебе, значит, надо быть всех смышленее! А ты вот у простого мужика спрашиваешь...»

(Зап. в с. Нытва Оханского у. Пермской губ.)

Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Вып. 1-2. Изд. А. М. Смирнов. — Записки РГО, 1917, т. 44.